

МЫШКИН

ФИНАЛ ДЕЛА ЯКОБА

Имя Бертольда Якоба в течение нескольких месяцев 1935 г. не сходило со страниц зарубежной печати всех направлений и партий. Большая часть буржуазных газет видела в деле Якоба только богатейший материал для сенсационных сообщений, которые по фабуле порою могли конкурировать с самыми смелыми авантюриными кинофильмами.

Для рабочей печати дело Бертольда Якоба представляло совершенно иной интерес. Самая личность Якоба, беспримерные обстоятельства похищения его со швейцарской территории германскими фашистами, грубое возмущение, вызванное во всем мире этим очередным вызовом общественному мнению, и необходимость отбить у германских фашистов их жертву — все это придавало в глазах мирового пролетариата борьбу за освобождение Якоба характер одной из тех схваток с врагом, из которых международный пролетариат все чаще и чаще выходит победителем.

Через год, в начале марта 1936 г., имя Якоба в связи с процессом его похитителя, Веземана, снова на несколько дней замелькало в газетах всех стран и направлений. Финал дела Якоба не мог не привлечь к себе всеобщего внимания, так как на этот раз перед всем миром развернулась омерзительная картина методов борьбы германского фашизма со своими врагами.

Напомним вкратце о личности Якоба и обстоятельствах его похищения.

Бертольд Якоб — германский журналист, левый радикал и пацифист, не примыкавший ни к одной из партий. Он был связан дружбой и совместной работой с такими людьми, как Карл Осецкий, в течение более двух лет переносивший мучения в концентрационном лагере, или профессор Гумбель, книги которого фашисты сожгли на площади Берлина. До войны Якоб работал одно время с Максимилианом Гарденом в либерально-буржуазном журнальчике «Лукуит», прославившейся своими сенсационными разоблачениями гомосексуальных кругов при дворе бывшего императора Вильгельма и своими антимилитаристскими выступлениями.

Якоб ненавидел Вильгельма, двор, аристократию, но германский милитаризм, на который опиралась эта свора, был особенно ненавистен Якобу. Всем своим существом Якоб, выходя из мелкобуржуазной среды, болезненно реагировавший на многочисленные щелчки по самолюбию, которые он получал, как бедняк и еврей, ненавидел германский милитаризм, это воплощение феодальной аристократии, капиталистической эксплуатации, антисемитизма и высокомерного презрения ко всем, кто перед своим именем не носит дворянской приставки «фон».

Привык в армию, казарма и окопы, знакомство на практике с кулаком прусского фельдфебеля и хлыстом офицера закаляли ненависть Якоба и вызвали в нем ту энергию, которая дала ему возможность бить уже по крупным мишеням, бросать вызов сильнейшим людям из вражеского лагеря.

В прошлом у Якоба имеются славные страницы. Он выигрывал бой, за которым следила вся страна. Он стал фигурой, которая вызвала у врагов уже не пренебрежительное отмахивание рукой, а самую острую классовую злобу.

Достаточно указать на дело Секта, дело Булержана или дело Иорнса.

Когда на фоне политической жизни веймарской республики выросла зловещая тень генерала Секта, предтечи гитлеровского милитаризма, монархиста и восходящего Кавеньяка, Якоб бросил против него все свои силы и сумел, при помощи некоторых документов, скомпрометировать Секта, разоблачить его лже-республиканизм и доказать его тесную связь с кругами, стремящимися к восстановлению в Германии монархии.

Когда германское социал-демократическое правительство назначило на один из высших прокурорских постов Иорнса, — того самого Иорнса, который в 1919 году вел расследование по делу об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург и обеспечил убийцам полную безнаказанность, — Якоб повел жестокую атаку против Иорнса. Он сумел собрать факты, которые дали материал для статьи, вызвавшей процесс Иорнса против редактора журнала «Тегебукх», поместившего статью, в которой со всей ясностью была раскрыта деятельность Иорнса по скрытию следов убийства Либкнехта и Люксембург. Процесс этот дал возможность развернуть перед лицом всего мира картину убийства Либкнехта и Люксембург и роль вождей германской социал-демократии в этом убийстве и в обеспечении безнаказанности убийства.

Со всей страстностью вел Якоб и борьбу за освобождение Булержана, скромного служащего крупного германского завода, изготовлявшего вооружение для будущей германской армии; Булержана, невинно осужденного на каторгу за выдачу другой стране сведений о секретных изделиях завода, называли «немецким Дрейфусом». Как некогда Эмиль Золя в деле Дрейфуса, так теперь Якоб в деле Булержана, отдал много лет борьбе за пересмотр этого дела. Якоб добился своего. Дело Булержана было пересмотрено, его невинность была доказана, и Булержан был оправдан.

Ненависть к Якобу со стороны реакционных кругов Германии увеличилась благодаря еще и тому, что он вместе с Гумбелем разоблачал деятельность «Фемы», убийства революционных рабочих тайными фашистскими боевыми организациями, и выпустил вместе с Гумбелем книгу «Политика убийства в Германии и убийцы Фемы».

Основной задачей Якоба за последние годы была борьба с германским милитаризмом. Якоб с успехом вскрывал контрреволюционную деятельность черного рейхсвера и секретные вооружения Германии.

Когда фашисты захватили в Германии власть, Якоб вместе со своим архивом был вне пределов досягаемости. Но фашисты хорошо помнили Якоба. В коричневом списке авторов, книги которых подлежат сожжению, имеется имя Якоба. Якоб фигурировал и в списке эмигрантов, лишенных германского гражданства.

В эмиграции Якоб продолжал столь же энергичную борьбу с германским милитаризмом и выпускал гектографированный бюллетень, посвященный специально разоблачениям секретных вооружений гитлеровской Германии.

Гестапо — германская государственная полиция — поставила своей задачей уничтожить Якоба. Для этого надо было довести его любым способом на территорию Германии.

Выполнение этой задачи было поручено Веземану, герою процесса, происходившего 3—6/III 1936 г. в Швейцарии, в Базеле.

История похищения Веземаном Якоба достаточно известна. О ней много сообщалось и в советской печати. Она составила тему повести Георга Борна, перевод которой помещен в журнале «Молодая гвардия». (Георг Борн «Единственный в Гестапо» — «Молодая гвардия», 1936 г., № 3).

Автор увлекательной повести, довольно точно, в общем, передающий фактические обстоятельства похищения, но допустивший вполне понятную в художественном произведениивольность в изображении похитителя Якоба и не дождавшийся финала дела, допустил и несоответствующее фактическому положению вещей описание окончания этого дела. По повести Борна, — Якоб, арестованный швейцарскими властями по обвинению в организации похищения Якоба, освобождается и отплывает в Бразилию, но на пароходе умирает при подозрительных обстоятельствах, напоминающих обычную картину отравления антифашистов агентами Гестапо за границей.

В действительности дело происходило иначе.

Гестапо было уверено, что и на этот раз похищение человека с территории другого государства, представляющее нарушение суверенитета этого государства, пройдет безнаказанно. Поручкой в этом была терпимость правительства Мотта к деятельности германских фашистов и, в частности, к деятельности Густлова, убитого впоследствии антифашистом Франкфуртер.

Уверенность Гестапо в безнаказанности была настолько велика, что Веземан получил распоряжение оставаться после похищения в Швейцарии и принимать там меры к тому, чтобы похищение как можно дольше оставалось никому неизвестным.

Расчет Гестапо был бы правилен, если бы в дело не вмешался швейцарский пролетариат. Гестапо не ожидало, что швейцарские рабочие, возмущенные похищением мужественного антифашиста и антимилитариста, подымут столь сильную бурю возмущения, которая перекинется на все страны Европы, вызовет повсюду протест общественного мнения и вынудит швейцарское правительство принять те меры, которые оно, в ином случае, не подумало бы принимать.

Только давлению швейцарского пролетариата, требованиям пролетарской и либеральной печати всех стран и всеобщим, за исключением фашистов, возмущением общественного мнения Якоб обязан тем, что швейцарское правительство предъявило Германии требование возвращения в Швейцарию Якоба и добились удовлетворения этого требования.

Только в результате этих же причин швейцарское правительство было вынуждено не освободить Веземана, а судить его за похищение человека со швейцарской территории.

Веземан содержался в тюрьме с 20/III 1935 г. 3/III суд в Базеле рассматривал его дело. Веземан обвинялся по ч. 2-й ст. 125 Базельского уголовного кодекса, согласно которой «кто противозаконно заключит другого человека или иным способом лишит его свободы, наказывается тюрьмой и денежным штрафом. Если лишение свободы продолжалось более одной не-

дела, то может быть применена каторжная тюрьма до 8 лет. Если в результате наступила смерть или тяжелое увечье, то применяется каторжная тюрьма. При смягчающих обстоятельствах применяется тюремное заключение на срок не менее 6 месяцев».

Процесс Веземана представляет для советского читателя интерес, лишь поскольку он рисует облик агентов Гестапо, глубину их морального падения, приемы, которыми они пользуются, и отношение к этим агентам со стороны властей в капиталистических странах в тех редчайших случаях, когда они вынуждены под давлением пролетариата предавать этих агентов суду.

Веземан — в прошлом журналист, не лишенный, по отзывам знавших его, дарования. Он довольно долго корреспондировал из Швейцарии в германские социал-демократические газеты о деятельности Лиги наций. По этой работе его знали виднейшие журналисты всех стран. Антифашистский журналист Герлях писал о нем в одном эмигрантском журнале: «Мы все, уже много лет знающие Веземана, считаем его способным на любую подлость, лишь бы она принесла ему деньги. Мы расценивали его как журнального афериста и как человека с совершенно неустойчивым характером... Веземану надо было много денег, а у него никогда их не было. У него были приятные манеры и бесспорное журналистское дарование; но в денежных делах он был абсолютно аморальным человеком. Несколько лет тому назад он гастролировал в Аргентине вместе с одним, теперь уже умершим, молодым немцем. На обоих дошли до Берлина серьезные жалобы. Когда они оба возвратились в Германию, каждый из них рассказал мне о другом самые неблагоприятные вещи. — рассказывал о том, что другой повсюду пролезал, обманывал, совершал аферы. Когда я спросил одного видного немецкой колонии в Буэнос-Айресе, кто же из них говорит правду, я получил ответ: «Каждый из них сказал правду про другого».

Выяснилось на суде, что Веземан еще в 1919 г. вступил в германскую социал-демократию и что, благодаря своим хорошим отношениям к Носке, он получил возможность работать в социал-демократической печати в качестве корреспондента при Лиге наций.

После захвата в Германии власти фашистами Веземан эмигрировал в Лондон. Здесь он первое время занимался журналистикой и написал даже, правда под псевдонимом, пару статей против Гитлера. Повидимому, в Лондоне произошло начало падения Веземана.

Выдавая себя в эмигрантских кругах за антифашиста, Веземан в то же время часто посещал германское посольство в Лондоне и ездил по непонятным для его знакомых эмигрантов поводам в Германию.

В январе 1934 г. Веземан познакомился, будучи в Берлине, с непосредственным помощником начальника Гестапо Рихтером, который убедил Веземана стать агентом Гестапо. По поручению Рихтера Веземан, пользуясь своими связями в эмигрантских кругах, вел провокационную работу в Лондоне, в Копенгагене, в Саарской области и в других странах.

В ноябре 1934 г. Веземан получил через Рихтера поручение организовать похищение Якоба. Помочь в этом должен был ему некий Манц, он же Маттерн.

Как известно, Веземан, искусно играя роль антифашиста, сумел завоевать доверие Якоба, и, обещая ему познакомить его с человеком, который снабдит его паспортом, заманил его в Базель. У подъезда отеля, в котором остановился Якоб, ждал автомобиль, взятый накануне на прокат Манцем. Шофера изображал агент Гестапо — Краузе. Манца Веземан представил Якобу, как лицо, которое может заполнить на имя Якоба пустой паспортный бланк. Для этого надо было Якобу проехать на минуточку квартиру Манца. Якоб попался на эту удочку. Автомобиль с Якобом, Веземаном и Манцем направился к германской границе, где обычно опущенный шлагбаум был, в ожидании Якоба, поднят и где Якоба ожидал специально приехавший из Берлина Рихтер.

В своем показании на суде Якоб прибавил к этому известному уже описанию его похищения, что он не помнит ничего, что с ним произошло, начиная с того момента, как он сел в автомобиль и до того, как он оказался в Германии. Якоб считает, что в его бокал с пивом, в то время как он выходил из комнаты, было подсыпано какое-то наркотическое средство.

Веземан в начале процесса отрицал все обвинения. Он отрицал и свою службу в Гестапо и отказался было от всяких объяснений по этому поводу. Однако путем оглашения первых показаний Веземана и других материалов было установлено, что Веземан выполнял важные поручения Гестапо в Саарской области накануне плебисцита, что в Копенгагене он организовал похищение германского эмигранта Баллина и т. д.

Веземан вынужден был заговорить. Он делал это крайне осторожно. Чувствовалось, что невидимая рука Гестапо, быть

может представляемая его защитником, фашистом Крамером, удерживала его от слишком откровенных показаний.

Но тем не менее Веземан рассказал о том, как он стал на путь работы в Гестапо, как при содействии некоего посольства он завязал связи с крупными агентами Гестапо и стал выполнять их поручения.

Веземан вынужден был рассказать любопытные подробности и о своем помощнике по похищению Якоба — Манце.

Специальностью Манца было заинтересовывать в пользу германского фашизма различные политические организации за границей. С этой целью Манц проводил много времени в Париже. Он завязал там связи с фашистским деятелем Фабиани, одним из руководителей «огненных крестов», с Лефевром и Генрис. Лефевр вручил Манцу список членов «Огненного креста». Во время дружеской беседы Манца с Фабиани был основан пресловутый франко-германский комитет.

Манц же действовал в Венгрии с целью оживления там фашистского движения в пользу Германии.

Процесс и, в частности, показания самого Веземана, показали, до какого глубокого морального падения доходят люди, которых Гестапо выбирает своими агентами. Даже председатель суда не мог удержаться, чтобы не задать Веземану вопрос: — Неужели вас не смущала судьба, которая ожидала Якоба в Германии? Вы знали ведь, что государственная измена наказывается в Третьей империи смертной казнью?

Так как на суде выяснилось, что после поступления на службу в Гестапо Веземан вел широкий образ жизни, отнюдь не соответствовавший его средствам, ему был задан вопрос, сколько он получал за свое предательство.

На одну минуту Веземан было смутился. Но он быстро овладел собой и отрицал получение от Гестапо каких-либо денег. Его слова вызвали улыбку презрения у всех присутствующих.

На суде же Якоб впервые рассказал о том, что с ним произошло после похищения. Оказывается, что его переслали в Берлин, где он первое время содержался в тюрьме на улице принца Альбрехта. Три дня его держали закованным в кандалы. По ночам горел свет в его камере, дверь в коридор оставалась открытой, и двое штурмовиков, охранявшие его, беспрерывно входили в его комнату и не давали ему спать.

12/III в камеру к Якобу явились Хейдрих, начальник Гестапо, Прусси, и полковник Николай, руководитель отдела шпионажа рейхсвера. Хейдрих приветствовал Якоба словами: «Здесь сидит свинья, песенка ее спета». Через два дня Хейдрих заявил при допросе Якобу: «Давайте благообразно поговорим друг с другом. У вас имеются две возможности: расскажите все, что вы знаете, выдайте ваших доверенных в Германии, тогда вы отделаетесь пожизненной каторгой. Или же вы ничего не скажете, и тогда вы погибнете. Вы знаете, что мы посылаем людей на эшафот».

Позже Якоб был переведен в тюрьму Колумбия при полицей-президиуме, где он оставался до его возвращения в Швейцарию. На вопрос суда, не подвергался ли он истязаниям, Якоб ответил: да, меня заставляли вытягиваться стоять по целым часам, уткнувшись носом в стену. Но, если сравнить обращение со мной с обращением с другими заключенными, то я не могу сказать, что меня истязали. Я видел однажды на дворе избитые целого ряда заключенных. Перед каждым избитым читались сентенции Гитлера. Я видел человека, который получил 15 ударов палкой за оскорбление Гитлера.

Более чем странная позиция прокурора, выступавшего на процессе Веземана, обратила на себя всеобщее внимание. Прокурор не был слишком требователен. Веземан не имел оснований жаловаться на него. Прокурор начал свою речь с указания на то, что в деле похищения Якоба Веземан был не более, чем инструментом в руках высших чиновников Гестапо. С необыкновенной снисходительностью прокурор высказался за то, чтобы Веземан был приговорен только к двум годам лишения свободы.

Нельзя без чувства омерзения читать газетные отчеты о защитительной речи Крамера, руководителя фашистской организации в Базеле, пытавшегося выставить предателя, провокатора, афериста и наемного убийцу — пламенным германским патриотом.

Характерным для буржуазного юридического мышления является та часть речи Крамера, в которой он доказывал, что Якоб не был лишен свободы на территории Швейцарии, что это произошло уже на германской территории и что поэтому дело неподсудно швейцарскому суду.

Речь Крамера вызвала чувство брезгливости в аудитории. Суд приговорил Веземана к трем годам лишения свободы, с зачетом времени предварительного заключения, к уплате судебных издержек в сумме 300 франков и к уплате в пользу Якоба в качестве возмещения убытков 5000 франков.

Так закончилось дело о похищении Бертольда Якоба.